

Глава 7

«Эта семья Шэнь — гнездо прогнивших негодяев, прогнивших до самого нутра! Среди людей с фамилией Шэнь нет ни одного порядочного!» — гневный женский голос раздался из дома.

Бранно причитая, двоюродная тётушка Лянь вытащила из принесённой корзины несколько кукурузных лепёшек и большую миску квашеных овощей и поставила их на единственный стол в доме. Но, обернувшись и увидев гера Цина, который тоже носил фамилию Шэнь, она на мгновение замялась и неловко замолчала. Она позвала младшую дочь, чтобы та принесла глиняный кувшин с горячей водой.

Посмотрев на Мяо Ши, тётушка сказала: «Я подумала, что вы только-только переехали и у вас тут ничего нет. Наверняка вы ещё и готовить не можете, вот и принесла вам что-нибудь, чтобы вы пока не остались голодными. По дороге я встретила сестру Яньцзы и остальных, они сказали, что днём заглянут к тебе».

Охотник Лю уже забрал у семьи Шэнь арендную плату и вместе со своим фуланом отправился в деревню Сяхэ. Едва они ушли, как двоюродная тётушка Лянь пришла с младшей дочерью, принеся с собой еду и горячую воду.

Хотя Мяо Ши была замужем в деревне Ланьтан уже много лет, среди местных женщин и фуланов у неё было несколько близких подруг. Самой близкой из них была именно двоюродная тётушка Лянь. Они выросли вместе в деревне Шицю, принадлежали к одному и тому же роду Мяо и почти в одно и то же время вышли замуж в Ланьтан.

Другие женщины и фуланы, которые хорошо относились к Мяо Ши, не приходили, пока рядом было так много мужчин из Шицю — это сочли бы неподобающим. Они решили подождать, пока все уйдут, и только потом навестить её. Но двоюродная тётушка Лянь могла не беспокоиться о подобных вещах, ведь она сама была из рода Мяо.

Гер Цин понимал, что двоюродная тётушка Лянь старается щадить его чувства, но ему было всё равно. Слушая, как она оскорбляет семью Шэнь, он не испытывал совершенно ничего. Пусть у них была одна фамилия и одна кровь, в его сердце они уже давно перестали быть семьёй.

Мяо Ши посмотрела на высокую гору кукурузных лепёшек на столе и, теребя подол одежды, спросила: «Зачем ты принесла так много? Ты ведь не тайком от свекрови их взяла?»

Семья Лянь ещё не делила хозяйство, и всеми делами по-прежнему управляла свекровь двоюродной тётушки Лянь.

В корзине было больше дюжины лепёшек — их хватило бы не только Мяо Ши и геру Цину, но и Мяо Сину, Мяо Вану и Мяо Туншэну. По обычаю, когда родня женщины приходила поддержать её в таком деле, она должна была накормить их в ответ. Но, как справедливо заметила двоюродная тётушка Лянь, Мяо Ши и гер Цин только что переехали и ещё не успели толком обустроить кухню.

К счастью, все они принадлежали к одному роду, и никто не стал бы мелочиться из-за таких вещей. Мяо Син и Мяо Ван просто оплатят этим позже.

Мужчины из Шицю встали ещё затемно — они таскали вещи и избили Шэнь Чжигао и Шэнь Чживэя. К этому времени уже давно перевалило за полдень, и желудки у всех были пусты. Кукурузные лепёшки, принесённые двоюродной тётушкой Лянь, пришлись как нельзя кстати.

И всё же Мяо Ши не могла не тревожиться. Свекровь двоюродной тётушки Лянь издавна была в ссоре со старухой Шэнь и всегда неодобрительно относилась к общению своей невестки с Мяо Ши. Она никогда не была добра к семье Шэнь, и Мяо Ши боялась, что, приняв эту еду, доставит подруге неприятности.

Но, к её удивлению, двоюродная тётушка Лянь рассмеялась: «Это сама свекровь велела мне взять побольше».

Хотя ей искренне хотелось помочь Мяо Ши, она ни за что не осмелилась бы принести столько сама — это были настоящие припасы, которыми их семья не могла разбрасываться.

«Она сказала, что теперь, когда ты отделилась от семьи Шэнь, ты больше к ним не относишься. Она ненавидит ту старую каргу Шэнь, всегда ненавидела, но ты и гер Цин тут ни при чём. Раньше она сдерживалась только из-за той мерзкой бабы. А теперь, раз ты свободна, велела мне чаще к тебе заходить и помогать, чем смогу».

Двоюродная тётушка Лянь широко улыбнулась: «А уж после того, как сегодня наши из Шицю как следует отлупили Шэнь Чжигао и его брата, свекровь и вовсе была на седьмом небе от счастья. Она даже специально положила дополнительные лепёшки для мужчин».

Она и правда была в восторге. С Мяо Ши они дружили с детства, но из-за старых обид между старшими ей всегда приходилось тайком навещать подругу. Даже видя, как плохо с ней обходятся, она не могла открыто помочь. Теперь же она наконец могла приходить к ней сколько угодно.

Когда Мяо Син и Мяо Ван забрали у семьи Шэнь арахис и белую муку, старая госпожа Шэнь была так, будто у неё вырывали сердце. Зато свекровь двоюродной тётушки Лянь была так счастлива, что в тот вечер приготовила на семейный ужин целых десять яиц.

Двоюродная тётушка Лянь снова рассмеялась: «Ты же знаешь, какая у меня свекровь скупердяйка. Каждое яйцо припрячет, чтобы потом продать на рынке, нам самим есть не даёт. Так что это верный знак — она и правда очень рада».

Её младшей дочери, Лянь Жун, было всего восемь лет. Услышав про яйца, она облизнула губы, явно вспомнив их вкус, а потом с надеждой посмотрела на дядек и спросила: «Дядя, а вы можете почаще бить дядю Чжигао? Тогда бабушка будет очень довольна!»

Мужчины расхохотались. Мяо Ван протянул руку и взъерошил Лянь Жун волосы, смеясь: «Конечно! Я этому подонку спуску не дам. В следующий раз возьму ещё пару братьев, накинем ему мешок на голову и как следует отметелим. Потом я скажу тебе тайком, ты тайком скажешь бабушке, и мы все тайком порадуемся вместе!»

От его поддразнивания все снова рассмеялись.

Но, отсмеявшись, Мяо Син помрачнел.

Будь они из одной деревни, Шэнь Чжигао не пришлось бы бить тайком. Его можно было бы колотить по расписанию — утром, днём и вечером, как приём пищи.

Но они были не из одной деревни. На первый взгляд Чжао Юдан поступил очень правильно: он заставил семью Шэнь выплатить Мяо Ши и её сыну компенсацию, помог геру Цину достойно разорвать с ними отношения и даже пообещал оформить их как отдельное хозяйство.

Если бы сейчас они продолжили избивать Шэнь Чжигао, это выглядело бы как неуважение к авторитету Чжао Юдана. Хуже того, дело могло перерасти в конфликт между двумя деревнями.

В деревнях лицо и репутация значили всё. Никто не хотел, чтобы на него смотрели свысока, а мелкая ссора легко могла превратиться в застарелую вражду. Даже такая ерунда, как плевков у чужого порога, со временем могла привести к массовой драке между деревнями.

Мяо Син не боялся неприятностей, но и доводить всё до такой степени не хотел. Именно поэтому с Шэнь Чжигао приходилось действовать осторожнее.

В конце концов, корень проблемы был в том, что Мяо Ши вышла замуж в другую деревню, о чём Мяо Син теперь горько сожалел. Он часто винил себя за то, что тогда не подумал лучше и позволил сестре выйти замуж за человека из семьи Шэнь.

Их отец рано умер, и заботы о браке Мяо Ши легли на плечи Мяо Сина, как старшего сына, и их матери. Мать с трудом растила четверых детей в одиночку, и в те годы их семья считалась одной из беднейших в деревне Шицю. Поэтому у них почти не было выбора — Мяо Ши пришлось выдать замуж в соседнюю, чуть более бедную деревню Ланьтан.

Тогда семья Шэнь казалась зажиточной, а молодой Шэнь Чжигао выглядел вполне порядочным. Кто бы мог подумать, что он вырастет в такого никчёмного подонка?

Гер Цин молча сидел в стороне, ломая кукурузную лепёшку и медленно поедая её с квашеными овощами, запивая горячей водой. Он вздрогнул, когда его старший дядя вдруг заговорил.

Насмотревшись на страдания собственной сестры, Мяо Син давно решил: если гер Цин пойдёт замуж, лучше всего выдать его обратно в деревню Шицю. По крайней мере, тогда семья была бы на виду, и если что-то пойдёт не так, он сам сможет вмешаться.

На самом деле ещё после ссоры во дворе семьи Шэнь Мяо Син и Мяо Ван почти все вопросы адресовали именно геру Цину, признавая, что именно он принимает решения за себя и за мать. Но как бы он ни был способен, вопросы брака всё же относились к сфере родительской власти.

Когда разговор зашёл об этом, Мяо Ши машинально посмотрела на гера Цина.

Лицо Мяо Сина помрачнело. «Ты почему на него смотришь? Он что, сам за себя решать может?»

В доме Шэнь её столько раз отчитывали, что у Мяо Ши выработался почти инстинктивный страх перед повышенным голосом. Услышав в тоне старшего брата недовольство, она сразу сжалась и опустила голову.

Увидев это, у Мяо Сина защемило сердце. Когда Мяо Ши была маленькой девочкой и жила дома, она была тихой, но не до такой степени безвольной. Кто знает, сколько страданий ей пришлось вынести в доме Шэнь, чтобы превратиться в такую?

Двоюродная тётушка Лянь поспешно вмешалась, сглаживая обстановку: «Это всё из-за проклятой семьи Шэнь. К концу года геру Цину уже девятнадцать, а они так и не обручили его. Столько лет молодости впустую!»

Она говорила это от чистого сердца.

В этом мире мужчин было больше, чем женщин, а богатые семьи брали по несколько жён и наложниц. Поэтому холостых мужчин хватало, а вот геры или женщины, которым не нашлось бы пары, были редкостью. Даже если гер Цин не отличался особой красотой, он всё равно мог бы выйти замуж в хорошую семью, пусть не выдающуюся, но по крайней мере приличную.

Если уж в родной деревне никто не хотел на нём жениться, всегда можно было найти вариант в другой.

Было очевидно, что семья Шэнь намеренно тянула время с его браком.

«Они хотели держать гера Цина дома как рабочую скотину! — фыркнул Мяо Ван. — Какая порядочная семья держит гера одиноким почти до двадцати лет? Неудивительно, что тот ублюдок потом связался с вдовой. Вся их семейка прогнила насквозь».

Мяо Ши стало не по себе, когда младший брат упомянул вдову Ли. Но гер Цин, уже смирившийся со всем, остался совершенно спокойным.

«Если подумать, хорошо, что я так и не женился».

Если бы у него уже был муж, когда Шэнь Чжигао попытался выгнать его мать, он ни за что не смог бы уйти вместе с Мяо Ши. Любая помощь с его стороны зависела бы от согласия мужа.

Как гер, Цин когда-то тоже мечтал о браке.

Он всегда краснел, когда заходила речь об этом, особенно в тринадцать-четырнадцать лет — в том возрасте, когда большинство деревенских девушек и геров начинали задумываться о замужестве.

Он представлял, в какую семью попадёт, каким будет его будущий муж.

В деревне было немало любящих супругов — таких, как двоюродная тётушка Лянь и двоюродный дядюшка Лянь, чьи отношения были тёплыми и полными заботы. Гер Цин завидовал таким семьям. Получив от собственного отца и родни слишком мало любви и тепла, он давно тосковал по уютному, любящему дому.

Но когда дело доходило до выбора супруга, особых мыслей у него не было.

Другие геры и девушки с восторгом перешёптывались о том, кто из мужчин самый красивый, самый сильный и доблестный, но гер Цин никогда не смотрел на них так. Насколько уж они могли быть сильными?

Все они были всего лишь мальчишками, которых он когда-то бил в драках.

Воспоминание о тех же деревенских парнях, рыдающих и молящих о пощаде под его кулаками, делало любые мысли о браке куда менее привлекательными.

Теперь же вопрос был даже не во вкусах. Просто время было неподходящее.

Проглотив последний кусок кукурузной лепёшки, он вытер рот и сказал: «Дядя, давай пока отложим этот разговор. Если я выйду замуж, мне придётся забрать с собой мать и заботиться о ней. Не так уж много семей на это согласятся. Лучше я сосредоточусь на том, чтобы пару лет подкопить денег».

И без того найти подходящую семью было непросто, а с больной матерью это становилось ещё

труднее. Мало кто соглашался принять в дом ещё и свекровь, о которой нужно было бы заботиться.

Вместо того чтобы мучительно искать мужа, разумнее было усердно работать и откладывать деньги. С накоплениями он мог либо принести щедрое приданое в будущий брак, либо, что ещё лучше, самому взять мужа в дом. Тогда он смог бы сам распоряжаться своей судьбой.

Видя, что гер Цин всё обдумал, Мяо Син больше не стал поднимать эту тему.

Вместо этого он начал строить другие планы.

После осенней жатвы, когда работы станет меньше, он с Мяо Ваном могли бы помочь геру Цину расчистить участок под пашню.

Если удастся привести землю в порядок, геру Цину больше не придётся рисковать жизнью, забираясь глубоко в горы за хворостом.

Ещё раз предупредив гера Цина быть осторожнее и не забираться слишком далеко в чащу, Мяо Син и Мяо Ван увели своих людей обратно в деревню Шицю.

С приближением страды каждая семья была очень занята. Мужчины, которые сегодня нашли время пойти с ними, были по-настоящему праведными и добросердечными людьми.

«После жатвы мы ещё придём, — пообещал Мяо Син. — Принесём вам батата и арахиса. И собранный арахис пока не продавай. Подожди, мы отвезём его в уезд сами».

Хотя гер Цин был сильным и умелым, дяди всё равно переживали за него. Если они могли хоть немного облегчить его ношу, они готовы были это сделать.

Гер Цин согласился и проводил их.

Между двумя деревнями раскинулись золотые поля созревающих хлебов — бесконечные волны осеннего изобилия.

В этом году, впервые, геру Цину не придётся гнуть спину на этих полях, как тягловому скоту, работая от рассвета до заката и порой не получая даже нормальной еды.

Он перевёл взгляд на перекатывающиеся зелёные горы.

До зимы он обязательно заготовит достаточно дров, чтобы продать их в городе.

А если удача улыбнётся, может быть, ему даже попадётся и дичь.

Тогда за их будущее можно будет не беспокоиться вовсе.

<http://bllate.org/book/14994/1328743>